

*Исторические
Авантюры*

Борис Соколов

**УБИЙСТВО
БЕРИИ**

**ФАЛЬШИВЫЕ
ДОПРОСЫ
ЛАВРЕНТИЯ
ПАВЛОВИЧА**

Исторические авантюры

Борис Соколов

**Убийство Берии, или Фальшивые
допросы Лаврентия Павловича**

«Алисторус»

2011

Соколов Б. В.

Убийство Берии, или Фальшивые допросы Лаврентия Павловича /
Б. В. Соколов — «Алисторус», 2011 — (Исторические авантюры)

Книга Бориса Соколова посвящена драматическим событиям конца 40-х – начала 50-х гг. XX века. Целый ряд кремлевских заговоров и убийств привел к тому, что у руля государства встал одиозный Лаврентий Павлович Берия, задумавший за 30 лет до Горбачева провести свою Перестройку. Однако вскоре новоявленный диктатор был убит. На страну неотвратимо надвигалась хрущевская «оттепель». В книге тесно сплелись уголовный и политический аспекты самых громких событий того времени: «дела врачей», смерти Сталина, заговора Хрущева... Лучшего чтения для любителей жанра политического детектива и не придумаешь.

© Соколов Б. В., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

В поисках кронпринца	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Борис Вадимович Соколов **Убийство Берии, или Фальшивые допросы Лаврентия Павловича**

В поисках кронпринца

Борьба против Берии, развернувшаяся после смерти Сталина, стала для Хрущева важным этапом восхождения к единоличной власти. Никита Сергеевич пустил в широкие партийные массы версию о том, что Лаврентий Павлович – это матерый враг народа, английский и мусаватистский шпион, готовивший заговор против партии и народа, да еще и развратник, каких поискать. Все эти тезисы впервые прозвучали на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., посвященном разоблачению т. н. «заговора Берии», а затем были повторены в сообщении о суде над Берией и его сообщниками и о приведении приговора в исполнение.

А что же было на самом деле? Для того чтобы понять истоки так называемого «заговора Берии» (а на самом деле – заговора Хрущева и Маленкова против Берии), необходимо вернуться на несколько лет назад, в последние годы правления Сталина.

В октябре 1945 года Иосиф Виссарионович неожиданно ушел в длительный отпуск – вплоть до середины декабря и отправился в Сочи. Ходили слухи, что перед этим он перенес микроинфаркт или микроинсульт, но документальных доказательств этому нет. Вероятно, на Иосифа Виссарионовича большое впечатление произвел фильм Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», где болезнь царя служит для выявления подлинного лица «реакционного боярства». После того как Сталин надолго пропал из Москвы, в мировой прессе стали циркулировать слухи о его болезни и даже смерти и стал серьезно обсуждаться вопрос о возможных преемниках. На хозяйстве в Политбюро Иосиф Виссарионович оставил четверку из Молотова, Маленкова, Берии и Микояна. Именно в таком порядке убывал их рейтинг. Молотов был поставлен старшим, далее следовал заместитель Сталина по партии Маленков, затем – Берия, еще остававшийся наркомом внутренних дел и уже возглавивший атомный проект, а замыкал список Микоян, нарком внешней торговли, курировавший гражданские отрасли народного хозяйства. Когда Сталин обращался не к Молотову, а к остальным членам правящей четверки, то на первом месте в шифрограммах ставил Маленкова, за ним Берию, а в конце – Микояна. Интересно, что как раз в это же время происходили вооруженные выступления в иранском Азербайджане. Телеграммы о положении здесь глава компартии Азербайджана Багиров и командующий Закавказским военным округом генерал Масленников адресовали Молотову, Маленкову и Берии, Микоян же в число адресатов не входил.

После войны главная задача, которую решал Сталин, была проблема выбора преемника, который смог бы удержать все завоеванное в 1939–1945 годах и сохранить в стране коммунистический строй. Поскольку в годы Великой Отечественной войны был сделан упор на патриотизм русского народа, что отразилось, в частности, в знаменитом сталинском тосте за его здоровье, а также в свете развернутой после войны кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» преемник мог быть только русским по национальности. Поэтому в этом качестве сразу же отпадали Лаврентий Берия и Анастас Микоян. Климент Ворошилов плохо показал себя еще во время финской войны, и Великая Отечественная подтвердила его ничтожные качества как руководителя. Поэтому как преемника Сталин его не рассматривал. Зато первым кандидатом на роль преемника казался Молотов, которого уже с начала 30-х годов воспринимали в качестве второго человека в стране после Сталина.

Главной целью эксперимента было проверить, годится ли Молотов на роль преемника. Сталин, которому вот-вот должно было стукнуть 67 (или 66, как считалось официально), все больше задумывался, что он не вечен и уже не за горами время, когда после его смерти власть должен будет взять кто-то другой. Трагический парадокс стареющего вождя заключался в том, что преемника он хотел бы иметь немногим хуже себя самого. Чтобы был умный, решительный, преданный безраздельно делу коммунизма, способный противостоять проклятым империалистам и если не сокрушить их, то, по крайней мере, еще дальше раздвинуть пределы советской империи. Но сам же Сталин, заботясь о сохранении собственной безраздельной власти, сделал все, чтобы людей с такими качествами в его окружении не осталось. Все соратники были тонкошеие и несамостоятельные, привыкшие ловить каждое сталинское слово. Да что слово – даже вздох или кашель. А уж если великий кормчий хмурил брови...

Между прочим, Молотов хорошо относился к творчеству Эйзенштейна. Именно по его инициативе после запрета «Бежина луга», 9 мая 1937 года было принято постановление Политбюро, предлагавшее главе комитета по кинематографии Б.З. Шумяцкому «использовать т. Эйзенштейна, дав ему задание (тему), предварительно утвердив его сценарий, текст и прочее». А во время памятного разбора Сталиным на встрече 26 февраля 1947 года с Эйзенштейном и Черкасовым второй серии фильма «Иван Грозный», вызвавшей гнев генералиссимуса, Молотов сделал довольно умеренные замечания. Он подчеркнул, что сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний царя. Молотов также вспомнил Демьяна Бедного, отметив, что «исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным». Покойному Демьяну уже не повредишь, тем более что после «Богатырей» он исправился и с началом Великой Отечественной войны вернул себе благосклонность вождя, посмертно почтившего его выпуском собрания сочинений. А потому Вячеслав Михайлович предпочитал критиковать его, а не Эйзенштейна. Еще Молотов пожалел детей русских эмигрантов в Праге, о которых вдруг завел разговор Черкасов, заметив, что они никогда не были на Родине. Вячеслав Михайлович бодро отрапортовал по должности: «Мы сейчас даем широкую возможность возвращения детей в Россию» (притом, что кое-кто из их родителей отправился прямиком в ГУЛАГ – но об этом Молотов, естественно, умолчал). Словом, Молотов, чувствуется, искал любую возможность, чтобы не критиковать фильм Эйзенштейна, увести разговор на посторонние темы, хотя против сталинских оценок не возражал и поддакивал Иосифу Виссарионовичу, но очень в меру. И отказался читать сценарий на предмет поправок, заметив с улыбкой: «Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков» (глава Комитета по кинематографии). И еще пошутил по поводу исполнения Черкасовым роли режиссера в новом фильме «Весна»: «И вот тут Черкасов сведет счеты со всеми режиссерами!» А один раз Молотов все-таки рискнул поправить Сталина, но поправил так, что лишь усилил аргумент Кобы. Сталин, чтобы доказать, что не надо торопиться с завершением «Ивана Грозного», привел в пример Эйзенштейну Репина, который работал над своими «Запорожцами» 11 лет. Вячеслав Михайлович поправил – 13 лет. Но Иосиф Виссарионович упрямо повторил – 11 лет. Даже возражение в подобном мелком вопросе он не терпел, по крайней мере, в присутствии беспартийной публики. После этого Молотов на всякий случай повторил, вслед за Ждановым, что «злоупотребление религиозными обрядами» в фильме «дает налет мистики, которую не нужно так сильно подчеркивать». Но в целом на обсуждении картины он был наименее кровожадным, хотя и защищать Эйзенштейна, пытаться доказать, что ряд претензий, предъявляемых картине, на самом деле беспочвенны, не рискнул. Вячеслав Михайлович чувствовал, что свою эпоху Грозного режиссер во многом списал с эпохи Сталина. Возможно, Молотов и понял, что вождь устраивает ему и соратникам по Политбюро проверку в стиле Грозного. Но даже это знание не

уберегла человека № 2 в советском руководстве от ряда роковых ошибок. Вячеслав Михайлович уже отвык действовать самостоятельно и в отсутствие прямых указаний Сталина не смог найти правильную линию во внешнеполитических делах, отвечавшую желанию генералиссимуса.

Все усиливавшиеся слухи о болезни и даже смерти советского вождя, в конце концов, начали сильно раздражать Сталина. Игра зашла слишком далеко и стала угрожать сталинскому престижу. Молотова же он стал подозревать в излишней уступчивости англичанам и американцам, чтобы им понравиться и тем увеличить шансы на признание в качестве сталинского наследника. 5 декабря Иосиф Виссарионович в шифровке, адресованной Молотову, Маленкову, Кагановичу и Берии, обрушился на Вячеслава Михайловича: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты «Дейли Геральд» из Москвы, где излагаются всякие небывлицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина. Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденцию без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру. Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента «Нью-Йорк Таймс», пропущенную отделом печати НКВД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчет членов нашего правительства в более грубой форме, чем это имело место одно время во французской бульварной печати. На запрос Молотову по этому поводу Молотов ответил, что допущена ошибка. Я не знаю, однако, кто именно допустил ошибку. Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКВД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКВД. Если же Молотов забыл распорядиться, то отдел печати НКВД ни при чем, и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу Вас заняться этим делом, так как нет гарантии, что не будет вновь пропущен отделом печати НКВД новый пасквиль на советское правительство. Я думаю, что нечего нам через ТАСС опровергать пасквиль, публикуемые во французской печати, если отдел печати НКВД будет сам пропускать подобные пасквиль из Москвы за границу».

На следующий день с подачи Молотова четверка отрапортовала, что во всем виноват стрелочник – заместитель заведующего отделом печати Горохов, не придавший должного значения злополучной телеграмме. Тут Сталина прорвало. 6 декабря Сталин обратился уже только к Маленкову, Берии и Микояну, игнорируя Молотова: «Вашу шифрограмму получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом пассивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, т. е. Молотова, с другой стороны. Что бы вы там ни писали, вы не можете отрицать, что Молотов читал в телеграммах ТАСС и корреспонденцию «Дейли Геральд», и сообщение «Нью-Йорк Таймс», и сообщение Рейтера. Молотов читал их раньше меня и не мог не заметить, что пасквиль на советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отразятся на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей, особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе это право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквиль входят в план его работы?»

Присылая мне шифровку, вы рассчитывали, должно быть, замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении

Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем.

Эту шифровку я посылаю только вам трем. Я ее не послал Молотову, так как не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, копии ему не передавать».

После такой телеграммы вполне мог последовать арест. Все участники драмы это понимали. Маленков, Берия и Микоян уже предвкушали, что четверка превратится в тройку, а главный из потенциальных наследников разделит судьбу Зиновьева и Бухарина. 7 декабря тройка телеграфировала Сталину: «Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился.

Мы, со своей стороны, сказали Молотову об его ошибках:

1. Мы напомнили Молотову о его крупной ошибке в Лондоне, когда он на Совете министров (иностранных дел. – Б. С.) сдал позиции, отвоеванные Советским Союзом в Потсдаме и уступил нажиму англо-американцев, согласившись на обсуждение всех мирных договоров в составе 5 министров (с участием Франции и Китая. – Б. С.). Когда же ЦК ВКП(б) обязал Молотова исправить эту ошибку, то он, сославшись без всякой нужды на указания правительства, повел себя так, что в глазах иностранцев получилось, что Молотов за уступчивую политику, а советское правительство и Сталин неуступчивы (такая самовольная попытка Вячеслава Михайловича предстать в глазах западных партнеров добрым следователем, передав Сталину роль злого следователя, Иосифу Виссарионовичу она как не понравилась. – Б. С.).

2. Мы привели Молотову другой пример, когда он противопоставил себя советскому правительству, высказав Гарриману свою личную уступчивую и невыгодную для нас позицию по вопросу голосования в Дальневосточной комиссии...

3. Мы сказали Молотову, что понадобилось вмешательство Сталина, чтобы он, Молотов, обратил внимание и реагировал на гнусные измышления, распускаемые о Советском правительстве «Рейтером», со ссылкой на парижское агентство и его московского корреспондента, и что даже после этого указания Молотов прошел мимо клеветнических телеграмм московских корреспондентов «Дейли Геральд» и «Нью-Йорк Таймс». Понадобилось снова вмешательство Сталина, хотя Молотов мог и должен был сам своевременно реагировать.

4. Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7 ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве, как корреспондент газеты, и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против.

5. Наконец, мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры, идут в одном плане политики уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина, и что с ним, Молотовым, можно сработаться.

Молотов заявил нам, что он допустил много ошибок, что он читал раньше Сталина гнусные измышления о советском правительстве, обязан был реагировать на них, но не сделал этого, что свои лондонские ошибки он осознал только в Москве.

Что же касается Вашего упрека в отношении нас троих, считаем необходимым сказать, что мы в своем вчерашнем ответе исходили из Вашего поручения в шифровке от 5 декабря выяснить, кто именно допустил ошибку по конкретному факту с пропуском телеграмм московского корреспондента «Нью-Йорк таймс», а также проверить правильность сообщения «Рейтер» от 3 декабря. Это нами было сделано и Вам сообщено. Может быть, нами не все было сделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны».

Вячеслав Михайлович почувствовал, что вот-вот его могут объявить матерым английским шпионом, и бросился каяться по полной программе. Пустил скупую наркомовскую слезу перед коллегами по коллективному руководству и отправил 7 декабря красноречивую телеграмму Сталину: «Познакомился с твоей шифровкой на имя Маленкова, Берия, Микояна. Считаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе. К числу таких ошибок относится проявление в последнее время фальшивого либеральничанья в отношении московских инкоров. Сводки телеграмм инкоров, а также ТАСС я читаю и, конечно, обязан был понять недопустимость телеграмм, вроде телеграммы корреспондента «Дейли геральд» и др., но до твоего звонка об этом не принял мер, так как поддался настроению, что это не опасно для государства. Вижу, что это моя грубая, оппортунистическая ошибка, нанесшая вред государству. Признаю также недопустимость того, что я смазал свою вину за пропуск враждебных инкоровских телеграмм, переложив эту вину на второстепенных работников.

Твоя шифровка проверена глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое дороже моей жизни».

И вслед за покаянной телеграммой пришло сообщение, что Молотов добился успеха, убедив западных партнеров провести очередную встречу министров иностранных дел в Москве 15 декабря в составе тройки, т. е. без участия не только Китая, но и Франции, для обсуждения вопросов, имеющих актуальное значение для США, Великобритании и СССР. Сталин сразу смягчился. Его успокоило также то, что Молотов прослезился, а в покаянной телеграмме прямо дал понять, что его жизнь в руках вождя, и не пытался оправдаться. Значит, нет у него в душе стержня, сломался соратник и никогда не рискнет выступить против вождя, чтобы приблизить свое вступление в наследство. А вот тройка Маленков, Берия, Микоян, напротив, Сталина разочаровала. Они готовы огульно охаять чуть ли не все внешнеполитические достижения СССР, забывая, что к ним причастен не только глава НКВД, но, в первую очередь, сам Иосиф Виссарионович. И отказывались признать свои ошибки.

Поэтому Сталин ответил тройке 8 декабря короткой раздраженной шифровкой: «Вашу шифровку от 7 декабря получил. Шифровка производит неприятное впечатление ввиду наличия в ней ряда явно фальшивых положений. Кроме того, я не согласен с вашей трактовкой вопроса по существу. Подробности потом в Москве».

Но генсек не стал дожидаться возвращения в столицу, и в ночь с 8-го на 9 декабря отправил длинную шифрограмму, сначала озаглавленную «Для четверки». Но затем заголовок был исправлен на «Молотову для четверки». Доверие к Вячеславу Михайловичу как будто было частично восстановлено. Большое дело – вовремя поплакать.

Впрочем, вряд ли слезы Вячеслава Михайловича в чем-либо разубедили Сталина. Он-то знал, что Молотов – превосходный артист, не хуже своего племянника Бориса Чиркова, и, если надо, великолепно сыграет и слезы, и истерику.

«Дейли мэйл» еще 12 ноября 1945 года писала, со ссылкой на «хорошо осведомленные финские круги», будто «Сталин в закрытом письме, переданном на хранение в Президиум Верховного Совета, лично назвал Жданова своим преемником». При этом утверждалось, что Жданов, находившийся тогда в Хельсинки в качестве председателя Союзной Контрольной комиссии по Финляндии, «является таким же анонимом, каким был Сталин, когда умер Ленин», и что «после Берии Жданов пользуется самыми широкими полномочиями в советской системе безопасности».

Сталин, убедившись в негодности Молотова в качестве верховного руководителя страны, как бы прислушался к мнению зарубежной прессы и обратил свое внимание на «анонима» Жданова. Раз Андрея Александровича на Западе сравнивают с ним, Сталиным, каким он был

после смерти Ленина, есть надежда, что Жданов продолжит правильный курс и не капитулирует перед Англией и США. К тому же его сын Юрий должен жениться на дочери Сталина Светлане. Правда, оформление брака Юрия и Светланы затянулось, в том числе из-за того, что молодые не слишком симпатизировали друг другу. Свадьба состоялась только весной 1949 года, уже после смерти А.А. Жданова. Но осуществление этой комбинации Сталин начал еще при жизни предполагаемого преемника, рассчитывая тем самым привязать его к своей семье и исключить в будущем ревизию сталинского наследия и преследования против детей генералиссимуса. Другое дело, что после смерти Жданова его сын перестал быть привлекательным зятем для Сталина, и он достаточно спокойно воспринял их развод на исходе 1951 года.

В результате опалы Молотова на первый план вышла ленинградская команда во главе со Ждановым, взявшим на себя партию первой скрипки в борьбе с «безродными космополитами».

В результате вернувшийся из Финляндии Жданов 13 апреля 1946 года был назначен вторым секретарем ЦК, отвечавшим за идеологию и оргработу в партии. Маленков же 4 мая вообще лишился поста секретаря ЦК. Прежде курировавший организационные вопросы Георгий Максимилианович, пострадавший из-за дела о приеме на вооружение заведомо бракованных самолетов, стал теперь отвечать за организационные вопросы в правительственных структурах.

Маленков в тот момент не рассматривался Сталиным в качестве своего вероятного преемника. Хрущев в своих мемуарах засвидетельствовал, что Сталин хорошо сознавал полную ничтожность Маленкова в качестве публичной фигуры: «Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при беседах в узком кругу говорил о нем: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но сорганизует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен». Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я както приехал по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то, что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это знает, но не видит возможности, как поправить дело и избавиться от этого. Он считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем, действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень критически относился к его личным способностям руководителя».

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он соглашался со мною.

Многие и сейчас думают, что Берия и после войны, до самой смерти Сталина, возглавлял органы государственной безопасности. Да и в строевой песне пограничных и внутренних войск пелось:

Чекисты мы, нам Родина доверила
Всегда беречь родной советский дом.
Вперед, за Сталиным ведет нас Берия,
Мы к зорям будущим уверенно идем.

Но песня песней, а послевоенная реальность, как мы убедились, была весьма далека от нее. На практике в тот период Лаврентий Павлович имел очень мало касательства к деятельности органов безопасности. Сталин действительно освободил Берию от поста главы НКВД, но только потому, что незадолго до этого, в августе 45-го, Лаврентий Павлович возглавил Спецкомитет, главной задачей которого стало скорейшее создание советской атомной бомбы. Глупо

думать, будто Сталин перебросил Берию на этот пост для того, чтобы лишить его контроля над органами госбезопасности. Ведь наряду с поисками преемника создание атомной бомбы было главной задачей, которую Сталин решал в послевоенный период, чтобы достичь в этой сфере паритета США и утвердиться в качестве одной из двух мировых сверхдержав. Правда, реального паритета в ракетно-термоядерной сфере при жизни Сталина достичь не удалось.

Не было такого паритета и при Хрущеве. Он был достигнут только во времена Брежнева. Однако еще при жизни генералиссимуса, осенью 49-го, советская атомная бомба была уже испытана, что позволило Сталину чувствовать себя более уверенно на международной арене. А к моменту ареста Берии все было готово и к испытанию водородной бомбы.

Нет никаких сомнений, что Сталин назначил Берию главой Спецкомитета отнюдь не потому, что необходимо было устранить Лаврентия Павловича от контроля над органами безопасности. Просто генералиссимус не сомневался, что Лаврентий Павлович лучше других справится с этой сложной задачей.

Как мы убедились, принципиально вопрос об уходе Берии из НКВД и замене Меркулова во главе НКГБ был решен еще осенью 1945 года, причем Берия никак не пытался защитить своего протеже Меркулова и едва ли не был инициатором смещения Всеволода Николаевича, не стяжавшего лавров в борьбе с иностранным шпионажем. Сталин, однако, предпочел видеть руководителем органов госбезопасности не предлагаемого Берией Рясного, а Абакумова, с которым ему довелось тесно работать в годы войны, когда Виктор Семенович возглавлял военную контрразведку СМЕРШ. Само по себе такое решение не свидетельствовало о недоверии к Берии. Ведь после ухода из НКВД, в марте 1946 года, Лаврентий Павлович стал членом Политбюро. При этом он остался заместителем председателя Совета министров и в какой-то мере продолжал курировать органы госбезопасности. Если бы Сталин не доверял Берии и уж тем более если бы собирался в скором времени от него избавиться, то вряд ли бы сделал его полноправным членом Политбюро. Ведь не принадлежавших к оппозиции членов Политбюро вообще не принято было судить открытым судом. В то же время, Берия отнюдь не был единственным куратором органов, к тому же руководство атомным проектом оставляло мало времени для других дел. Да и кадровых вопросов ни в МВД, во главе которого был близкий к Маленкову Круглов, ни, что особенно важно, в МВД он теперь не решал. Абакумов же и Берия друг друга не любили, что не было секретом для Сталина. И Виктор Семенович, как мы увидим дальше, скорее всего, по собственной инициативе стал собирать компромат на Лаврентия Павловича, причем этот компромат довелось использовать уже Хрущеву.

Доверял ли в тот момент Сталин Берии или нет? Хрущев в мемуарах утверждал: «После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоился Берии. Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным». Далее он утверждает, что после войны из obsługi и охраны Сталина исчезли все грузины, которых там было прежде немалое количество. И исчезли, дескать, потому, что Сталин перестал доверять Берии.

Тут Никита Сергеевич, несомненно, лукавит. Грузины в сталинской охране и окружении никогда не преобладали, и вплоть до мая 1952 года личную охрану возглавлял белорус Николай Сидорович Власик. Тем более что Хрущев тут же сам и обесценивает аргумент об охранниках-грузинах, утверждая: «Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего болезнен-

ного состояния он не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в органах госбезопасности, все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях». Выходит, что и русских охранников подбирал Берия, и становится совсем непонятно, зачем Сталину вдруг понадобилось изгонять грузин.

Хрущев в мемуарах утверждал: «Резко усилила влияние Берии Великая Отечественная война. Он тогда возымел огромную силу. Сталин утрачивал над ним контроль, особенно в тяжелые месяцы нашего отступления на фронте. Берия постепенно стал грозой партийных кадров. Влиял он и на окружение Сталина. Там менялся обслуживающий персонал. Прежде лично у Сталина работали в основном русские. Подавальщицы и в войну остались русские, но появлялись и грузины. Шашлычник там какой-то жарил шашлыки, так он стал даже генералом, и с каждым моим приездом в Ставку я видел, как у него росли орденские колодки с лентами – свидетельство постоянных награждений за умение здорово жарить шашлык. Как-то Сталин заметил, что я присматриваюсь к колодкам на груди новоявленного генерала, но ничего не сказал, и я тоже промолчал.

А после войны – и говорить нечего! Берия стал членом Политбюро. Да и Маленков набрал силу, хотя у него периодически менялось занимаемое им положение и во время войны, и после войны. Однажды Сталин даже загнал его в Среднюю Азию. Тут-то Берия и подал ему руку помощи, а затем они стали неразлучны. Сталин у себя за обедом нередко называл их, как бы в шутку, двумя жуликами, но не в оскорбительном тоне, а вроде дружески: где, мол, пропадают эти два жулика? Тут без Берии буквально ничего уже нельзя было решить. Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берии. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твоё дело обставит всяческими вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

В то же время Берия не уважал и не ценил Маленкова, а преследовал в дружбе с ним личные цели. Он мне как-то сам сказал: «Слушай, Маленков – безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не придерживать. Поэтому я его и держу, хожу с ним. Зато он русский и культурный человек, может пригодиться при случае». «Пригодиться» было главным у Берии. Я-то с Маленковым и Булганиным дружил с той поры еще, когда работал в Московской парторганизации. Мы часто проводили тогда вместе выходные дни, вместе жили на даче. Поэтому, несмотря на то, что Маленков выказывал некоторую холуйскую наглость относительно меня во время войны, особенно когда Сталин проявлял недовольство мною, я с ним не порывал отношений».

Никита Сергеевич также признавался, что «к рубежу 50-х годов у меня уже сложилось мнение, что, когда умрет Сталин, нужно сделать все, чтобы не допустить Берию занять ведущее положение в партии. Иначе – конец партии! Я считал, что могла произойти утрата всех завоеваний революции, так как Берия повернет развитие с социалистического на капиталистический путь. Такое у меня сложилось мнение».

Вот где собака зарыта! Чтобы оправдать последующий арест и убийство Лаврентия Павловича, Никита Сергеевич пишет в мемуарах, что Берия уже в первые послевоенные годы стремился к власти и тем самым вызывал недовольство и даже опасения со стороны Сталина. Но в подобное трудно поверить. Если бы Иосиф Виссарионович действительно подозревал бы Берию в намерении захватить власть, он бы его для начала арестовал, а потом расстрелял. Абакумова-то Сталин посадил за гораздо меньшие прегрешения – попытку «смазать» дело врачей-врагчей-вредителей». И никакая незаменимость Лаврентия Павловича как руководителя атомного проекта его бы в данном случае не спасла. Сталин твердо верил, что незаменимых людей у нас нет. И с сожалением, но поставил бы во главе Спецкомитета какого-нибудь Сабурова или Шепилова.

Так что назначение Берии руководителем советского атомного проекта само по себе свидетельствовало о доверии к нему Сталина. Тем более, что по делам проекта ему приходилось выезжать в страны Восточной Европы, и в частности, в советскую оккупационную зону в Восточной Германии, откуда при желании легко можно было бы сбежать на Запад. Человека, которого он подозревал в заговоре, Сталин бы на должность со столь широкими полномочиями... И Берия должен был сознавать, что пока что Сталин ему доверяет. Вот если бы атомный проект постигла очевидная неудача (например, в какой-то момент преждевременно началась неконтролируемая цепная реакция и испытания закончились бы трагедией), то тогда, понимал Лаврентий Павлович, ему не сносить головы. Последует арест, а затем бессудный расстрел (или закрытый суд, если захотят пристегнуть к какому-нибудь заговору).

Сын Берии Серго утверждал, что отец не раз говорил ему, что после завершения атомного проекта (а потом – водородного проекта) Сталин его уничтожит. Но тут надо оговориться, что далеко не всему, сообщаемому Серго Лаврентьевичем, стоит верить. А данное сообщение никакими другими свидетельствами не подкрепляется. Логически же намерение уничтожить Берию после завершения атомного проекта выглядит совершенно странным и иррациональным. А Сталин в терроре, напротив, был вполне рационален и без нужды людей никогда не стрелял. А с чего ему вдруг понадобилось уничтожить Берию? Ведь даже успешно завершённый атомный проект несколько не увеличил бы политический вес Берии, хотя бы потому, что о реализации проекта и о том, что его возглавляет Лаврентий Павлович, в партии и стране знали считанные люди. Так что с завершением атомного проекта никакой новой опасности для Сталина со стороны Берии не должно было возникнуть. Главное же, с созданием советской атомной бомбы деятельность Спецкомитета отнюдь не завершилась. На очереди была водородная бомба, а дальше должно было начаться совершенствование ядерного и термоядерного оружия. Да еще необходимо было развивать ракетное оружие, над которым, в частности, трудился Серго Берия. Так что убивать Лаврентия Павловича, пока он был во главе Спецкомитета, Сталину не было никакого резона. Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца, зачем устранять менеджера, показавшего свою эффективность?

В качестве аргумента в пользу того, что Сталин собирался в скором времени устранить Берию, нередко приводят мингрельское дело. Дальше мы еще скажем о нем. Пока же стоит отметить, что само это дело было инспирировано Сталиным для того, чтобы не допустить роста самостоятельности грузинской политической элиты и шире – на их примере показать элитам национальных республик, что их роль ограничена строгими рамками, определяемыми союзным Центром. И послал наводить порядок в Грузии именно Берию по двум причинам. Во-первых, Берия, как бывший глава грузинского ГПУ, а затем – глава коммунистов Грузии, хорошо знал обстановку в республике. Во-вторых, Лаврентию Павловичу пришлось снимать с постов людей, которых он в свое время сам же и выдвигал, и Сталин, таким образом, хотел проверить его лояльность, и Берия эту проверку вполне успешно выдержал.

Весной 1946 года, вскоре после Пленума, на котором Маленков, как и Берия, был введен в состав Политбюро, позиции Георгия Максимилиановича серьезно пошатнулись. Это было связано с так называемым «делом авиаторов».

Это дело началось в феврале 1946 года, когда Василий Сталин сообщил отцу, что американские самолеты гораздо лучше советских, которые к тому же поступают в войска бракованными, с множеством недоделок, и массово гибнут в авариях. Абакумов как глава военной контрразведки начал расследовать проблему поставки в войска некачественной авиатехники. Вскоре он доложил Сталину, что в годы войны руководители Народного Комиссариата авиационной промышленности выпускали и, с согласия командования Военно-Воздушных Сил, поставляли на вооружение Красной Армии самолеты и моторы с заводским браком и серьезными конструктивно-производственными недоделками.

В результате происходило большое количество аварий и катастроф с гибелью летчиков, а на аэродромах не успевали ремонтировать авиатехнику, часть из которой приходила в полную негодность и подлежала списанию.

Абакумов попросил у Сталина санкцию на арест главкома ВВС А.А.Новикова, наркома авиационной промышленности А.И. Шахурина, главного инженера ВВС А.К.Репина, члена военного совета ВВС Н.С. Шиманова, начальника главного управления заказов ВВС Н.П.Селезнева и начальников отделов управления кадров ЦК ВКП (б) А.В. Будникова и Г.М. Григоряна, курировавших авиапром.

Мотивировалось это тем, что на протяжении войны руководители авиапрома выпускали бракованную и конструктивно недоработанную продукцию и по сговору с командованием ВВС при молчаливом согласии курировавших поставки техники в ВВС работников ЦК партии протаскивали на вооружение Красной Армии бракованные самолеты. В результате в период с ноября 1942 года по февраль 1946 года в частях и учебных заведениях ВВС из-за недоброкачественной материальной части произошло свыше 45 тыс. невыходов самолетов на боевые задания, 756 аварий и 305 катастроф.

Однако Сталин не торопился выводить в расход руководство авиапрома и главкома ВВС. Ведь войну советская авиация все-таки выиграла, используя преимущественно те самолеты, которые поставлял наркомат авиационной промышленности. С другой стороны, начиналась «холодная война», в которой главным потенциальным противником становились США. А американская авиация обладала весьма значительным качественным, равно как и количественным превосходством над советской авиацией. В этих условиях особенно важным становилось повышение качества советской авиатехники. Сталин потребовал от Абакумова перепроверить собранные данные и выяснить масштабы злоупотреблений в авиапроме.

16 марта 1946 года была создана Государственная комиссия по ВВС во главе с заместителем министра Вооруженных Сил и членом Политбюро Н. А. Булганиным. В состав комиссии вошли секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, начальник Генштаба маршал А. В. Василевский, Главком Сухопутных войск маршал Г. К. Жуков, а также три маршала авиации – С. И. Руденко, К. А. Вершинин и А. Е. Голованов.

Комиссия первоначально проверяла показания, данные бывшим командующим 12-й Воздушной армией маршалом авиации С. А. Худяковым (настоящее имя – Арменак Ханферянц), арестованным еще в декабре 1945 года. Его обвиняли в шпионской связи с англичанами, в службе в дашнакском отряде в 1918 году и участии в расстреле 26 бакинских комиссаров, в проживании по фальшивым документам и в злоупотреблении служебным положением, выразившимся в незаконном присвоении трофейных ценностей в Германии и Маньчжурии... Примечательно, что ордер на арест маршала оформили лишь в марте 1946 года, а обвинение в измене Родине и злоупотреблении служебным положением предъявили 22 августа того же года. Арестован же он был в Чите еще 14 декабря 1945 года.

От Худякова были, среди прочих, взяты показания против Новикова. Худяков охотно показал, что командование ВВС принимало от наркомата авиапромышленности дефектные самолеты и моторы. Самому Сергею Александровичу это преступление все равно не инкриминировалось, и он надеялся, что помощь следствию ему зачтется. Тем не менее расстрела избежать Худякову не удалось. Его казнили 18 апреля 1950 года, а реабилитировали в августе 1954 года. Возможно, Сталин хотел использовать дело Худякова-Ханферянца против Анастаса Микояна, который также был одним из руководителей Бакинской коммуны в 1918 году, но счастливо избежал расстрела. При желании можно было бы пристегнуть и Берию, который тогда служил секретарем Бакинского Совета. Однако Берию в тот момент Сталин убирать явно не собирался. Да и с Микояном решил погодить. Так что Худякова судили и расстреляли в одиночку.

Но вернемся к делу авиаторов. В марте – апреле 1946-го были арестованы Шахурин, Репин, Селезнев, Шиманов, Будников и Григорян. В ночь с 22 на 23 апреля арестовали маршала Новикова.

В ходе следствия было установлено, что нарком Шахурин и другие работники наркомата в погоне за плановыми показателями, стремясь к перевыполнению плана, запускали в серийное производство самолеты и моторы, имевшие серьезные конструктивные недостатки.

По вине Шахурина запускались в серию самолеты и моторы, не прошедшие государственных и войсковых испытаний.

По негласной договоренности с Шахуриным главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Новиков, стремясь быстрее пополнить потери боевой техники, принимал на вооружение бракованную технику.

По делу авиаторов были арестованы: народный комиссар авиационной промышленности генерал-полковник инженерно-авиационной службы Шахурин, командующий ВВС Красной Армии главный маршал авиации Новиков, заместитель командующего ВВС, главный инженер ВВС и начальник научно-испытательного института ВВС генерал-полковник инженерно-авиационной службы Репин, член Военного Совета ВВС генерал-полковник Шиманов, начальник Главного Управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Селезнев, начальники отделов Управления кадров ЦК ВКП(б) Будников и Григорян. Последние по линии партийных органов непосредственно контролировали производство авиатехники.

В ходе следствия все обвиняемые дали признательные показания.

Нарком Шахурин, в частности, заявил: «Я признаю, что антигосударственная практика поставок Военно-Воздушным Силам дефектных самолетов и моторов действительно существовала. Она приводила к тому, что в серийное производство запускались самолеты и моторы с серьезными конструкторскими недостатками, которые при массовом выпуске продукции устранить не удавалось, вследствие чего процент поставок ВВС дефектной материальной части увеличивался».

Маршал Новиков сообщил следствию: «Между мной и Шахуриным существовала семейственность и круговая порука. Шахурин неоднократно сговаривался со мной о том, чтобы я принимал от него бракованные самолеты и моторы, и эти просьбы Шахурина я в большинстве случаев удовлетворял».

Репин тоже покался: «Я не только не вел должной борьбы за высокое качество поставляемой Народным Комиссариатом авиационной промышленности самолетов и моторов, но в силу существовавшей в руководстве Военно-Воздушных Сил и Народном Комиссариате авиационной промышленности круговой поруки, семейственности и моих близких отношений с Шахуриным способствовал последнему протаскивать на вооружение ВВС бракованную авиационную технику».

Селезнев показал: «В практике совместной работы между руководством Военно-Воздушных Сил и Народным Комиссариатом авиационной промышленности создалась атмосфера круговой поруки. Именно в этих условиях родилась антигосударственная практика, при которой Шахурин выпускал недостаточно качественные самолеты, а руководители ВВС в лице Новикова, Шиманова и особенно Репина и меня протаскивали бракованную продукцию авиационной промышленности на вооружение ВВС».

Следствием было установлено, в частности, что был принят на вооружение трижды не выдержавший государственные испытания истребитель «Як-9у» с мотором «ВК-107а». Шахурин считал, что будет достаточно заводского испытания опытного образца. При этом нарком отрапортовал правительству, что самолет «Як-9у» успешно выдержал испытания и показал скорость 680 км в час, тогда как на самом деле первые 16 самолетов, выпущенных заводом № 61, оказались совершенно непригодными к боевому использованию. До заявленной же скорости в 660 км/час самолет далеко не дотягивал.

В дальнейшем выяснилось, что у самолета «Як-9у» крылу не хватало прочности, что неизбежно влекло к авариям и катастрофам. Самолет не имел пылефильтров, что приводило к преждевременному износу и выходу мотора из строя. Машина не была оснащена радиомачтой, из-за чего почти вдвое уменьшался радиус действия связи. Кроме того, плохо вентилировалась кабина летчика, что приводило к повышению в ней температуры до 45 градусов, что затрудняло работу экипажа.

В 1944 году Шиманов и Селезнев выезжали на завод № 301, где военпредом было забраковано около 100 самолетов «Як-9у», и распорядились продолжать приемку самолетов, несмотря на ряд недоделок. В воинские части было направлено около 4000 бракованных самолетов. На 2267 самолетах «Як-9у», поступивших в ВВС, из-за конструктивных и производственных недоделок пришлось вообще запретить полеты. Допрошенный в качестве свидетеля начальник отдела технической эксплуатации 2-й воздушной армии инженер-подполковник Н.Б. Гребенников показал: «За период с апреля 1945 г. по март месяц с.г. включительно в частях 2-й воздушной армии эксплуатировались 113 самолетов «Як-9у» с мотором «ВК-107а». При эксплуатации из-за конструктивных недоработок и производственных дефектов имели по самолету – 179 случаев дефектов и отказов, из которых 170 случаев привели к невыходу в полет и 2 случая к поломке самолетов, по мотору – 31 случай дефектов и отказов, которые привели к двум авариям самолетов, преждевременной съемке 21 мотора, 8 невыходам в полет».

Шахурину также инкриминировалось то, что в 1943 году он запустил в серийное производство с крупными недоделками самолет «Як-3» с мотором «ВК-105 ПФ», не прошедшим войсковых испытаний и не испытывавшимся на прочность, вследствие чего происходили аварии и катастрофы с человеческими жертвами.

Инженер-подполковник Жуков, начальник отдела эксплуатации и войскового ремонта 16-й воздушной армии, показал: «Крупными дефектами конструктивно-производственного порядка на самолетах «Як-3» явилось отставание верхней обшивки крыла. Подобные дефекты имели место на 40 % самолетов, имевшихся на вооружении в частях. Наличие таких дефектов у самолетов приводило к вскрытию обшивки в воздухе и неизбежно, в таких случаях, к аварии, поломкам, вынужденным посадкам и в ряде случаев катастрофам».

То же самое показали и другие свидетели. В 1945 году полеты на самолетах «Як-3» были запрещены.

Тем не менее, в конце 1945 года Шахурин обратился к Новикову с предложением принять на вооружение ВВС изготовленные авиационным заводом № 31 100 дефектных самолетов «Як-3» с мотором «ВК-107». Новиков решил, что принимать 100 заведомо бракованных самолетов – это уже слишком. В результате нарком и главнокомандующий сошлись на 40 самолетах, причем 28 этих дефектных машин успело поступить в авиационные части.

Не лучше обстояло дело и с другими типами самолетов. Так, на самолетах «Ил-2» в 1942–1943 годах была выявлена непрочность обшивки крыльев из-за нарушения авиационной промышленностью технологии процесса производства. Кроме того, была обнаружена недостаточная прочность стыковых узлов крыльев самолета, в результате чего при эксплуатации самолетов «Ил-2» были случаи, когда в воздухе у самолетов отваливались крылья и происходили катастрофы, сопровождавшиеся гибелью экипажей. Заместитель главного инженера 15-й воздушной армии, инженер-подполковник Бодров показал на следствии: «Июнь – июль 1943 г. – в период подготовки нашего наступления, имел место массовый выход шасси самолетов «Ил-2» по причине течи гидросмеси из амортизационных стоек и трещин в стыковых гребенках. Для устранения этих дефектов были вызваны бригады с материалами и самолеты отремонтированы. Если бы вовремя это не было бы вскрыто и устранено, то в период нашего наступления армия оказалась бы, по существу, без штурмовой авиации».

Другой свидетель – начальник 7-го отдела Управления формирований и боевой подготовки ВВС полковник Мельников показал: «Самолет-штурмовик «Ил-2» поступил на воору-

жение в 1941 году. За время его эксплуатации только в строевых частях произошло 485 катастроф и аварий. И на этом типе самолета аварийность из-за конструктивно-производственных дефектов из года в год возрастала. Если в 1941 г. было 8 случаев катастроф и аварий, то в 1942 г. – 74 случая, в 1943 г. – 147 случаев, в 1944 г. – 133 случая и в 1945 г. – 123 случая». Следует учесть, что в 1945 году война продолжалась только четыре с половиной месяца, так что фактически частота катастроф по сравнению с 1944 годом увеличилась более чем вдвое.

Не лучше была ситуация и с истребителем «Як-3». У 40 процентов этих самолетов, поступивших в ВВС, произошли аварии из-за задигов верхней обшивки крыла на больших скоростях.

10 и 11 мая 1946 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в составе председательствующего, председателя Военной Коллегии Верховного Суда, генерал-полковника юстиции Ульриха и членов: генерал-майора юстиции Дмитриева и полковника юстиции Сольдина, при секретарях – подполковнике юстиции Почиталине и майоре юстиции Мазур в закрытом судебном заседании рассмотрела дело по обвинению Шахурина, Репина, Селезнева, Новикова, Шиманова, Будникова, Григоряна.

На суде подсудимые полностью признали свою вину. Выступая в ходе судебного заседания, Шахурин говорил: «Показания в ходе предварительного следствия я полностью подтверждаю. Я совершил приписываемые мне преступления в погоне за выполнением плана и графика, в погоне за количественными данными. Имея сигналы с фронтов Отечественной войны о дефектности наших самолетов, я не ставил в известность председателя Государственного Комитета Обороны и в этом самое мое тяжкое преступление. Я признаю, что 800 самолетов оказались совершенно негодными».

Ему вторил Репин: «Фронт требовал самолеты, и дефекты устранялись на месте. А там в результате гибли летчики».

А Шиманов уточнил: «Бракованных самолетов за время войны было принято около пяти тысяч. Шахурин создавал видимость, что авиационная промышленность выполняет производственную программу, и получал за это награды. Вместо того, чтобы доложить народному комиссару обороны, что самолеты разваливаются в воздухе, мы сидели на совещаниях и писали графики устранения дефектов на самолетах. Новиков и Репин преследовали лиц, которые сигнализировали о том, что в армию поступают негодные самолеты. Так, например, пострадал полковник Кац».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.